

- автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1986.
13. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988.
 14. Кубрякова, Е. С. Производное слово как языковая структура представления знаний / Е. С. Кубрякова // Английский лексикон и структуры представления знаний: сборник научных трудов МГЛУ. – Вып. 429. – М., 1994.
 15. Кубрякова, Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац. – М., 1983.
 16. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика / В. В. Лопатин. – М., 1977.
 17. Макаев, Э. А. О предмете и задачах морфонологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин / Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1967.
 18. Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говора. – Кемерово, 1990.
 19. Нешименко, Г. П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII – середина XX вв.) / Г. П. Нешименко. – Praha, 1980.
 20. Попова, Т. В. Глагольное словоизменение в болгарском языке: морфонологический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1978.
 21. Резанова, З. И. Словообразующие возможности существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1983.
 22. Русская грамматика. – М., 1980. – Т. 1.
 23. Славянская морфонология: субстантивное словоизменение. – М., 1987.
 24. Янценецкая, М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск, 1979.
 25. Янценецкая, М. Н. Введение // Семантические вопросы словообразования: производящее слово / М. Н. Янценецкая. – Томск, 1991.

УДК 81'373.611:811.161.1

Л. А. Араева, П. А. Катыхов

ПОЛИМОТИВАЦИЯ КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. О специфике деятельности (психосемиотической) трактовке полимотивации

В современной дериватологии понятием «полимотивация» очерчиваются случаи формально-семантического соотношения производного слова с несколькими производящими единицами. Характер этого соотношения указывает на то, что понятие «полимотивация» было введено в теорию словообразования при изучении типов асимметрии и предусматривало оценку вариативности глубинных и поверхностных деривационных структур в пределах производной лексемы (Л. А. Араева, О. И. Блинова, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Е. Л. Гинзбург, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, М. Н. Янценецкая). Поэтому традиционно усилия дериватологов направлены на анализ полимотивации и других явлений структурно-функциональной асимметрии производного слова: омонимии словообразовательной формы (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Д. С. Ворт, Е. Л. Гинзбург, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, Н. М. Шанский), полисемии, синонимии и идиоматичности деривата (А. Г. Антипов, Л. А. Араева, О. И. Блинова, В. В. Виноградов, Р. М. Гейгер, Е. Л. Гинзбург, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, Н. М. Шанский, И. А. Ширшов, М. Н. Янценецкая), а также вариантности деривационной и морфонологической структур (А. Г. Антипов, О. И. Блинова,

В. В. Виноградов, Е. С. Кубрякова, А. И. Кузнецова, В. В. Лопатин, М. В. Панов, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов). Полимотивация как показатель асимметрии «означающего» и «означаемого» учитывается при разработке критериев производности (Е. Л. Гинзбург, Н. Д. Голев, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, Г. П. Нешименко, И. С. Улуханов), создании типологии словообразовательной мотивированности (О. И. Блинова, Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов), семантизации производных лексем в словарях (Ю. Д. Апресян, О. И. Блинова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, А. И. Ширшов), выделении комплексных единиц деривационной системы (Ю. С. Азарх, Л. А. Араева, В. В. Виноградов, Е. Л. Гинзбург, Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов, М. Г. Шкуропацкая, М. Н. Янценецкая).

Дериватологическая традиция свидетельствует о недостаточной разработанности¹ психосемиотического описания полимотивации, имеющего

¹ Следует отметить, что предпосылки психосемиотического понимания полимотивации заложены в работе О. И. Блиновой «Множественность мотивации и варьирование внутренней формы слова» [Блинова, 1986]. В ней полимотивация рассматривается в связи с семантизирующими возможностями языка и трактуется как аспект варьирования внутренней формы слова.

дело с отношениями уточнения², возникающими в сознании носителей языка между созвучными (анафоничными) элементами в ходе формирования и формулирования замысла высказывания. Создание подобного описания позволяет раскрыть возможности интенсифицированного существования деривата в психике языковой личности [Катышев, 2005].

При этом психосемиотическое описание может быть выполнено с опорой на деятельностный подход к исследованию языка, который, следуя принципам гумбольдтовской лингвистики, исходит из триединства языка, мира и человека с его внутренним миром и развивающимся самосознанием, то есть помещает язык в сложную систему взаимодействий человека и мира [Зубкова, 2002]. В соответствии с данной концепцией, существо языка как «*epegeia*» [Гумбольдт, 1984, 70], как «универсального рефлекса» человеческого духа на внешние раздражения и возбуждения [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 66, 72] состоит в «расширении сознания» человека [Потебня, 1958, 18]: в преобразовании мира впечатлений в мир «покоряемой языком чувствительности» [Кассирер, 2002, 23] – в мир таких ментальных сущностей, как вербальные образы, представления и понятия. Иными словами, деятельностная трактовка содержит в себе ссылку на психичность и семиотичность языка, если под «психичностью» понимать способность языка осуществлять осознание образа (И. А. Бодуэн де Куртенэ)³, а под «семиотичностью» – свойство языка обеспечивать единство и расчлененность знака⁴ [Бенвенист, 2002, 87-89]. В таком случае язык выступает «преобразовательным устройством», с помощью которого человек трансформирует воспринимаемое и воображаемое во все более осмысленные вербальные эквиваленты.

Следовательно, деятельностная природа полимотивации связана с «психичностью» и «семиотичностью» языка, а потому полимотивация служит показателем внутренней (церебрационной) значимости отсылочной части (основы) деривата, то есть является *стратегией (или же способом) осмысле-*

ния воссозданного в сознании носителя языка единства (графическо-) акустического и собственно мыслительного образов⁵.

Чтобы более наглядно представить своеобразие предлагаемого в работе подхода, сопоставим традиционную и деятельностную трактовки полимотивации.

1. В соответствии с традицией, восходящей к соссюровскому определению языка как имманентной системы, полимотивация есть показатель иерархических отношений, связывающих дериват как типичный языковой знак с единицами различных семиотических рангов – с морфемами, производящими словами и синтагмами (мотивирующими суждениями). Благодаря такому внутрисистемному видению полимотивации открывается вариативный характер структуры русского деривата. Деятельностная концепция обращает внимание на то, что вариативность деривата – это *проявление познавательной активности носителей языка*. При этом сама познавательная активность становится возможной при внимательном и творческом отношении индивидов к деривационным свойствам слова, а её осуществление связано с тем, что в дискурсе единицы «низших» семиотических уровней (в нашем случае – основы дериватов) неоднократно замещаются единицами «высших» семиотических уровней (в нашем случае – мотивирующими суждениями, включенными в состав высказываний).

2. Традиционная теория полимотивации – это «явный продукт структуралистического лингвистического мышления», поскольку анализ явления зачастую «ограничен синтаксическим аспектом языка как знаковой системы и нацелен на жесткое размежевание синхронии и диахронии» (Л. Г. Зубкова)⁶. Отсюда поиск критериев, строго регламентирующих количество мотивировок (ср. критерий «системно-структурной значимости параллельных мотиваций» [Лопатин, 1977, 94], а также оптимизационные процедуры, утверждающие необходимость синхронной структурно-семантической близости производного и класса производящих [Гинзбург, 1979, 32; Нещименко, 1980, 30; Тихонов, 1990, т. 1, 10; Улуханов, 1977, 42-46; Ширшов, 1982, 14-15]). Напротив, деятельностная концепция – не лимитирующая, а детерминистическая: она *соотносит увеличение мотивационных решений с процессом языковой категоризации, создающей единство и расчлененность деривата в сознании языковой личности сообразно базовым (универсальным, типологическим, специфическим) свойствам языка*.

² При уточнении, или конкретизации, ($X_{\text{конкретизируемое}} \leftarrow X_{\text{конкретизирующее}}$) элементы находятся в иерархическом положении по отношению друг к другу: налично конкретизируемое, большее, чем конкретизирующее, и конкретизирующее, более специфичное, чем конкретизируемое. Учитывая определение символа, данное П. А. Флоренским («Часть, равная целому, причем целое не равно части» [Флоренский, 2001, 140]), можно утверждать, что отношения конкретизации имеют символическую основу, то есть становятся возможными при отвлеченном характере конкретизируемого элемента.

³ Бодуэновская трактовка «психичного» такова: «Психично... то, что может быть осознано как представление, понятие или группа понятий и представлений» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 58].

⁴ Ср. с трактовкой языкового знака как «замены» в текущих делах мысли соответствующего образа представлением [Потебня, 1958, 18].

⁵ Если следовать терминологии Э. Бенвениста, то полимотивация представляет собой «семантический способ означивания» языкового знака [Бенвенист, 2002, 88-89].

⁶ Цитата из отзыва о диссертации П. А. Катышева «Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Кроме того, для деятельностной теории важно, что полимотивация *в явном виде подтверждает «количественный»* (И. А. Бодуэн де Куртенэ) *характер языкового мышления индивидов*, то есть отличается от мономотивации разнообразием и интенсивностью представлений, замещающих на основе ассоциаций по сходству один и тот же образ или разные образы одного и того же деривата.

3. В традиционной теории системность полимотивации интерпретируется через показатели размытости языковой структуры и обосновывается путем выявления комплексных единиц, обобщающих «расширительные» закономерности словообразовательной формы. Свидетельство тому – ревизия понятия словообразовательного типа, его регламентация с учетом функциональной общности нескольких мотивирующих, тождества словообразовательного значения и форманта [Азарх, 1984, 48-49; Араева, 2003; Земская, 1992, 37], а также введение в научный оборот таких единиц деривационной системности, как «словообразовательный архитип» [Ширшов, 1982, 67] и «словообразовательная ниша» [Weisgerber, 1962; Араева, 1994, 214-230]. Деятельностная концепция *связывает системность полимотивации с семантической функцией языка*⁷, обеспечивающей раскрытие словообразовательно маркированного образа множеством мотивирующих перифраз.

2. Семантические разновидности полимотивации

При полимотивации лексические показатели осознанности основы распределяются в соответствии с *синтагматическими принципами гомо- и гетерогенности*. Согласно принципу гомогенности, конкретизаторы основы сочетаются в пределах одного и того же представления: $AAA_b \leftarrow AAA_c \times AAA_d$, где AAA_b – определяемое, AAA_c и AAA_d – определяющие компоненты одного и того же мотивирующего суждения, $\leftarrow$ – отношение конкретизации, $\times$ – знак совмещения анафоничных конкретизаторов в пределах одного и того же представления. В соответствии с принципом гетерогенности, формально близкие определители основы рассредоточиваются по нескольким логически соотносимым представлениям: $AAA_b \leftarrow AAA_c: AAA_d$, где: – знак логической соотносимости вербальных представлений.

Проиллюстрируем данное положение метатекстами, актуализующими мотивационный потенциал дериватов, узуальных для говора Кемеровского района Кемеровской области. Предпочтение отдается метатекстам, связанным с осмыслением производных наименований лиц (семантическое своеобразие субстантивов класса «Лицо» – их се-

мантическая разнородность, предрасположенность к равномерному распределению между сферами денотативной и сигнификативной лексики – помогло полнее охарактеризовать способы осуществления полимотивации).

Так, метатексты *Сортировщик сортирует зерно сортировкой//; Там сортировки такие/ ими сортируют зерно// Сортировщики это <делают>//* демонстрируют «гомогенное» осмысление деривата *сортировщик*. Иными словами, в данных высказываниях словообразовательная форма *сортиров/щик* раскрывается через вербальное представление *некто сортирует зерно сортировкой в период времени, на который указывает говорящий*⁸, маркированное несколькими анафоничными элементами. Ср.:

работ/ник $\leftarrow$ *некто работу работает в период времени, на который указывает говорящий*

Работники работу работают//; Он работу работает/ вот тебе и работник//

крик/ун $\leftarrow$ *некто кричит кричмя в период времени, на который указывает говорящий*

Вон гляди/ говорю ему/ вон крикун нашелся/ кричит кричмя/ ись просит//.

При «гетерогенном» способе осмысления словообразовательной формы содержание деривата

⁸ Здесь и далее для демонстрации мотивирующих суждений используется семантический метаязык, учитывающий (а) содержательный статус толкуемого имени, (б) семантический статус составляющих мотивирующего суждения, (в) компоненты, подвергаемые преобразованиям, а также (г) элементы, указывающие на коммуникативный статус производного существительного. Согласно первому допущению, мотивирующее суждение должно эксплицировать семантическое своеобразие производного как члена категории имен существительных (отсюда в мотивирующем суждении признаки вроде 'постоянно', 'часто', 'много' и т. д., служащие доказательством субстанционализации интерпретируемых дериватов). Второе условие позволяет отобразить в мотивирующей перифразе семантические роли ее составляющих (отсюда такие термы, как 'некто', 'нечто', 'кому-то' и т. д.). Третье условие разрешает включение в перифразу тех компонентов, которые подвергаются преобразованиям и отражают репрезентацию словесного содержания в дискурсе. В силу последнего допущения структура мотивирующего суждения должна включать единицы типа 'в момент времени, на который указывает говорящий' и др., предполагающие денотативный статус связанного с ними производного, и компоненты вроде 'любит' и др., свидетельствующие о сигнификативных «приоритетах» деривата (о семантических, словообразовательных, сочетаемостных, синтаксических и референциальных свойствах денотативно и сигнификативно ориентированных имен см. работы [Арутюнова, 1976; Виноградов, 1977; Падучева, 1985; Шмелёв, 1984; Шмелёва, 1984; Wierzbicka, 1969]).

⁷ При этом предполагается такое понимание системы языка, в соответствии с которым она не равна структуре, но есть «выполняющая определенные функции в надсистеме целостная совокупность элементов, взаимосвязанных определенными отношениями» [Зубкова, 2001, 26].

выводится с помощью нескольких мотивирующих суждений. В таком случае речемыслительная деятельность носителей языка принимает различные формы в зависимости от характера отношений между перифразами. Это могут быть отношения:

(а) эквивалентности, когда уточняющее суждение x_1 логически тождественно ($\equiv$) $x_2 \dots x_n$:

помощник $\leftarrow$ некто *помогает* кому-либо в период времени, на который указывает говорящий

$\equiv$ некто *оказывает помощь* кому-либо в период времени, на который указывает говорящий

Помощник/ это что-нибудь человек делает/ а ему помогает кто-то/ оказывает помощь//; Ездил кочегаром/ ездил помощником машиниста// Рук ему [машинисту] не хватат/ помогашь ему/ помощь оказывашь//

брош/енка: брош/ен/ка $\leftarrow$ кого-то (жену) *бросил муж* $\equiv$ некто (жена) *оказалась брошена* мужем

Брошенка/ это баба/ котору мужик бросил// Брошена она мужиком/ выходит//

(б) иерархичности, когда уточняющее суждение x_1 включает по смыслу ($\supset$) $x_2 \dots x_n$:

трактор/ист $\leftarrow$ некто постоянно работает на тракторе $\supset$ некто постоянно водит трактор

Тракторист работает на тракторе// Ну/ водит трактор//; Я/ сказать вам/ был трактористом// В колхозном водил трактор// Говорили еще/ «Работаю на тракторе»//; Тракторист?// Не знаешь чё?// Да бог мой/ он на тракторе... работает...// Это... водит//

работ/ник $\leftarrow$ некто работает у хозяина в период времени, на который указывает говорящий $\supset$ некто зарабатывает деньги в период времени, на который указывает говорящий

Работники были// Они у хозяина работали// Тем и зарабатывали себе на хлеб//

(в) автономности (самостоятельности в передаче стоящей за словом информации), когда уточняющее суждение x_1 интегрировано (Π) с $x_2 \dots x_n$ для передачи содержательного потенциала деривата:

лапот/ник $\leftarrow$ некто постоянно плетет лапти Π некто постоянно продает лапти

Лапотник/ это кто лапти плел// Кто лапти плел специально/ их продавали на базарах// Сами на базаре продавали// Сами и плели//; [Ответ на вопрос «Почему человека называли лапотником?»] В те времена это были люди/ они плели специально лапти/ и потом продавали// Сами это делали//

пасеч/ник $\leftarrow$ некто держит собственную пасеку Π некто постоянно работает на собственной пасеке

Пасечник держит свою пасеку и работает на ей// Есть ещё пасечник в совхозе/ он работает на ей//; Пасечник на пасеке работает// Он свою пасеку имеет// Может и в совхозной работать// Как наемный//

Таким образом, полимотивация допускает разнообразие возможностей усиленной перифразировки деривата – от плеонастических выражений и поверхностных равнозначных трансформаций до

процедур, приводящих к появлению логически соподчиненных и автономных суждений.

Эти формы речемыслительной деятельности, реализуясь в метаязыковой рефлексии, (А) доказывают семиотический характер словообразовательной формы, ее способность выступать символом содержания, (Б) активизируют дальнейшие вербальные преобразования, (В) диагностируют коммуникативно-семантические особенности определяемого элемента (содержательную многоплановость или однородность его значения). Следовательно, полимотивация указывает на то, что понимание слова есть новое его осознание [Потебня, 1976, 442], то есть процесс, при осуществлении которого мысль стремится к воссозданию и усиленной реализации символизма языкового образа, к обобщению, углублению либо видоизменению высказанного суждения, к экспликации коммуникативно-семантического статуса определяемого элемента.

А. Свойство словообразовательной формы символизировать собой значение слова может быть продемонстрировано гомогенно организованными способами перифразирования, допускающими, вследствие развитой в русском языке номенклатуры грамматических средств, «плеонастическую» передачу смысла высказывания. При этом усилению символической функции словообразовательной формы могут также благоприятствовать сочетаемостные свойства тех предикатов, которые структурируют мотивирующие суждения⁹. Например, мотивирующие суждения, организованные посредством предикатов таксономической категории «Деятельность», обнаруживают такие конфигурации конкретизирующих элементов, как:

(а) «деятельность $\times$ результат деятельности»
копни/льщик : копн/ильщик $\leftarrow$ *копнить* $\times$
копна

Кто копна в сеноуборку копнит/ коп- нильщик//

ка́та/нщик : ка́тан/щик $\leftarrow$ *катать* $\times$
ка́танки ‘валенки’

Катанщик/ катанки катает//

(б) «деятельность $\times$ объект деятельности»
стеко́ль/щик $\leftarrow$ *стеклить* $\times$ *стекло*

Стеко́льщик/ стекла стеклит//

(в) «деятельность $\times$ орудие деятельности»
борони/льщик: борон/ильщик $\leftarrow$ *боронить* $\times$
боро́на

Как весна придет/ боронильщик землю бо- ронит бороной//

⁹ По мнению Г. П. Мельникова, возможность «плеонастической» организации высказывания обусловлена внутренней формой русского языка, позволяющей нередко формально изобразить вкладываемый в высказывание событийный смысл [Мельников, 1998, 3-4]. См. приведенный там же пример простого нераспространенного предложения *Воз вёз* или пример А. А. Потебни *Оратай ралом орет ралию* (*Пахарь плугом или сохой пашет землю*).

вѣя/льщик : вѣяль/щик ← вѣять × вѣялка

Вѣяльщик/ вѣет зерно вѣялкой//

(г) «деятельность × место деятельности»

кухар/ка : кух/арка ← кухарить × кухня

[Ответ на вопрос «Почему человека называют кухаркой?»] *Она кухарит на кухне//*

заправ/щик ← заправлять × заправка

[Ответ на вопрос «Почему человека называют заправщиком?»] *Он заправляет машины на заправке//*

(д) «деятельность × место пребывания»

ссыл/ник ← сослаться × ссылка

Эти ссылники сослались в ссылку//

(е) «материал деятельности × результат деятельности»

берестя/н/щик: берест/я/нщик ← берестяное × береста

Берестяники/ с бересты плетет берестяное//

камен/щик ← каменный дом × камень

[Ответ на вопрос «Почему человека называют каменщиком?»] *Он каменны дома кладет/ из камня их кладет//*

(ж) «объект деятельности × место деятельности»

скот/ник: скотн/ик ← скотина × скотный двор

Скотник за скотиной ходит/ на скотном дворе ходит за ей//

Б. Стимулирующая функция суждения в наиболее «чистом» виде реализуется тогда, когда гетерогенное развитие смысла происходит на базе логически соподчиненных перифраз, то есть тогда, когда мотивирующие суждения провоцируют мысль на дальнейшую работу в обобщающем / углубляющем режимах.

Так, способность мотивирующего суждения активизировать подчиненные смыслы указывает на то, что первоначальное представление более комплексно, чем последующее, или же что признак, раскрывающий определяемую структуру, предваряет этап создания и выражения более общего смысла. Поэтому если осознаваемая структура X конкретизируется носителями языка через мотивирующие суждения 'x₁' и 'x₂' и в пространстве X мотивирующее суждение 'x₁', оцениваемое как многомерное, включает по смыслу 'x₂' ('x₁ ⊃ x₂'), то в зависимости от их расположения в метатексте можно говорить о том, что носитель языка прибегает либо к микровыводу ('x₁^{микрос} ⇒ x₂'), либо к макровыводу ('x₂^{макрос} ⇒ x₁'). Например, учитывая тот факт, что мотивирующие суждения *некто часто поют песни* и *некто часто рассказывает сказки*, передающие идею речевой деятельности, сложнее, чем те, которые репрезентируют интеллектуальные состояния¹⁰ (*некто знает много песен*, *некто знает много сказок*), можно констатировать значимость (а) микро- и (б) макровыводов для мотивационного контекста единиц *песельник(ница)*, *песенник(ница)* и *сказочник(ница)*:

(а) *Песельник поют все время песни/ рот не затыкается // Оттого что песен знат немерено//; Если женщина много поют песен/ много песен знает// Тада она песельница//; Песенник/ человек/ который поют песни/ много их знает//; Человек/ который сказки рассказывает/ знает их много//;*

(б) *У нас одна женщина песенница старая// Много песен знает// Часто их поют//; Песенник/ много песен знает/ вот их и поют//; Если женщина много сказок знает/ часто их рассказывает детям/ она сказочница//.*

Знаковый характер структуры дериватов *единоличник*, *колхозник*, *совхозник* также может обнаружиться через иерархизованные суждения. При этом активируемые представления некто *единолично* живет, некто *живет в колхозе*, некто *живет в совхозе* имеют более общий характер, чем соотносимые с ними суждения некто *постоянно единолично* работает, некто *постоянно работает в колхозе*, некто *постоянно работает в совхозе*, поскольку посредством представлений, оформленных предикатом *жить*, определяемое мыслится как носитель устойчивого состояния (занятия), возникшего на базе однородных деятельностей, выраженных пропозициями с глаголом *работать*¹¹. Отсюда понятны способы расширения мотивационного пространства: оно может развиваться в сторону либо (а) генерализации, либо (б) партикуляризации мотивирующих суждений:

(а) [Почему человека называют *единоличником*, *колхозником*, *совхозником*?] *Единоличник называется из-за того/ что он единолично работает// Вот примерно вы начинаете дрова резать/ вы один/ вы единоличник/ это единолично// Вот единоличники единолично жили/ каждый хозяин был/ коней держал/ плуг/ бороны//; Колхозники/ ну в колхозах они работают/ жить им в колхозах приходится// Ну и совхозник такой же человек// Только там колхоз/ а здесь совхоз//;*

(б) [Почему человека называют *единоличником*, *колхозником*, *совхозником*?] *Единолично жили/ работали/ хлеб сеяли/ коров держали//; Живет колхозник в колхозе/ работает в ъм//; Совхозник живет/ работает в совхозе/ зарплату получает//.*

В. Словообразовательная форма есть символ коммуникативно-семантических свойств знака, поэтому речемыслительная активность носителей языка может рассматриваться в качестве свидетельства однородности или многоаспектности языкового содержания.

В общем случае своеобразие языкового значения связывается с принадлежностью слова к определенному коммуникативному классу (в нашем случае – со способностью имен лиц выполнять в высказывании идентифицирующую или предикативную функцию) [Арутюнова, 1976; Вежбицкая, 1992; Падучева, 1996; Шмелёв, 1984]. Иными словами, языковой знак, будучи «дискурсивно-

¹⁰ См., в частности, [Апресян, 1995, 359].

¹¹ О семантических свойствах предикатов, принадлежащих таксономической категории «Занятия», см. [Падучева, 1996, 149].

когнитивным образованием» [Кубрякова, 2004], «жизнь» которого «состоит в его употреблении, то есть в применении к новым случаям» [Потебня, 1976, 301], предрасположен к увеличению либо ограничению разнородности семантически релевантных признаков. Это означает, что, приспосабливаясь к наиболее типичным для своего класса дискурсивным позициям, имена лиц стремятся либо к сохранению и уточнению своих возможностей референции (и потому их семантическая структура способна приобретать дополнительные признаки, не выводимые из уже имеющихся), либо к тому, чтобы индуцировать у слушающего адекватное представление о характеристиках введенной в речевой акт темы (и поэтому семантические признаки слов, более всего пригодных для выполнения в высказывании определяющей функции, в тенденции однородны и направлены на то, чтобы раскрыть смысл тематического элемента).

Освоение узуального слова, осуществляемое с опорой на отсылочную часть деривата, манифестирует указанные семантические характеристики имен лиц. Отсюда полимотивация – это лишь способ раскрытия языкового значения. И если полимотивация выступает в качестве стратегии манифестации словесного значения, то само значение есть «именно то, что создается в слове и посредством слова» [Потебня, 1958, 35].

Способность знака иметь однородную семантическую структуру (что, как правило, свойственно предикативам) доказывается через переформулирование одного и того же мыслительного содержания. Так, при осмыслении имен лиц, связанных с оценкой поведения субъекта, допускается объективация одного и того же мыслительного содержания за счет логически эквивалентных мотивирующих суждений, затронутых взаимопреобразованием:

(а) глагола и полуслужебного глагола с именем-результативом

калым/щик ← некто постоянно калымит: некто постоянно зарабатывает калым

Калымщик у левака калым зарабатывает// Он помимо зарплаты калымит//

проказ/ник ← некто постоянно проказит: некто постоянно делает проказы

Проказник/ проказ какой-нибудь делает/ что-нибудь набедокурит/ проказит постоянно//

(б) суждения(ий) и именной группы

драч/ун: драч/ун: драч/ун ← {некто дерется и дерется: некто постоянно устраивает драки: кому-то обязательно дай подраться}: драчливый некто

[Ответ на вопрос «Почему человека называют драчуном?】 *Драчливый он// Дерется и дерется/ хлебом не корми/ дай подраться// Драки устраивает постоянно//*

шал/ун ← {некто постоянно шалит: некто постоянно делает шалости}: шаловливый некто

[Ответ на вопрос «Почему человека называют шалуном?】 *Это ребенок бывает/ вот шалит/ что-нибудь балуется// Шаловливый очень/ покою нет от его// Шалости от него сплошны//*

Напротив, осмысление имен, у которых идентифицирующая функция является первичной, может происходить путем активации сигнификативно автономных суждений. Ср.:

колб/ишник ← некто постоянно собирает колбу: некто постоянно продает колбу

А как побольше пойдет колба/ так они мешками собирают ее и продают// Их всяко зовут и колбишники и мешочники//; Калинишник и есть колбишник// Вот только колба поднялась/ такая чуть-чуть// Вот он идет в лес/ собирает ее и потом продает// Калины же нет пока//

кро/вельщик: кровель/щик ← некто постоянно кроет 'создает' кровли: некто постоянно ремонтирует кровли

Кровельщик чинит/ кроет кровли// Кровли жестиальные/ шиферные/ деревянные//

сибир/як ← некто родился в Сибири: некто живет в Сибири

Родился я в Сибири// Родители мои тоже здесь родились и жили// Так что я коренной сибиряк//

3. Полимотивация – показатель сущностного своеобразия русского языка:

к постановке проблемы

Как следует из рассмотренных выше примеров, познаваемый дериват может устанавливать мотивационные (конкретизирующие) связи с элементами, характеризующимися по отношению к нему одинаковой и большей формантной сложностью (*драч/ун ← драч/ливый; шал/ун ← шал/ость: шал/ов/ливый; работ/ник ← за/работ/ывать*), а также этимологическим родством (*сказочник ← рассказывать*¹²). Не затрудняет смысловую определенность и наличие основных чередований (*песельник ← поют: песен; драчун ← дерется: драки*).

Уже данные факты свидетельствуют о том, что скоординированность конкретизирующего и конкретизируемого в речемыслительной деятельности носителей русского языка имеет гибкий характер. При этом специфика отношений конкретизации адекватнее всего познается не с помощью лимитирующих процедур, а «методом последовательного продвижения, восхождения от абстрактного к конкретному, начиная с выражения фундаментального семантического противоположения лексического и грамматического» [Зубкова, 1999, 213]. Опираясь на данный метод, можно утверждать: способность дериватов свободно ассоциироваться с созвучными элементами обусловлена не только «формальным» (стимулирующим) характером самого языкового знака [Потебня, 1958, 20], но и «формальностью» (грамматичностью) русского языка [там же, 37].

У русских слов соседство с лексическим содержанием грамматической формы, с одной сторо-

¹² В «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова данные единицы принадлежат разным словообразовательным гнездам [Тихонов, 1990, т. 2, 107-108].

ны, облегчает синтагматическое согласование коррелятивных по основе элементов (*Сортировщик сортирует сортируемое сортировкой*), а с другой – делает язык «весьма совершенным орудием умственного развития», поскольку «остаток силы, сэкономленный словом, неизбежно находит себе другое применение, усиливая наше стремление возвыситься над ближайшим содержанием слова» [там же, 37-38]. Поэтому закономерно предположить, что относительно легкое преодоление носителем русского языка «ближайшего содержания слова» (как характера соединения звуковой стороны с психическим содержанием) проявляется не только в разнообразии стратегий определенности деривата, но и в *свободе анафонического воспроизведения его отсылочной части*¹³.

Эта особенность русского языка значима для актов «естественной» метаязыковой рефлексии. Она же выступает причиной развития «высших действий ума» (Э. Б. де Кондильяк) – воображения и мышления¹⁴.

Для демонстрации сущностного своеобразия полимотивации был проведен психолингвистический эксперимент, в условиях которого испытуемые создавали сакральные тексты. При этом сакральная окрашенность дискурса наводилась специально составленным установочным заданием; см. текст-установку и задание:

Несомненным достоинством моего кочевого образа жизни можно считать постоянное знакомство с нравами и обычаями тех мест, где я бываю. Бесконечная череда впечатлений проходит передо мной, делает жизнь интересной и наполненной множеством событий. Но бывают такие встречи, которые как бы переворачивают тебя, заставляют относиться к обычным вещам совершенно по-иному. И такое событие произошло со мной совсем недавно. В свою последнюю поездку по заданию газеты мне довелось познакомиться с одним обычаем. Он, говорят, встречается только в этой засушливой местности, затерянной где-то на бескрайних просторах русского Юга. Я имею в виду обычай, исполненный необъяснимой верой в магическую силу слова, когда сельское население собирается перед сезоном цветения и своими речами пытается «вернуть к жизни» (так они называют этот обычай) небольшой кустарник, который растет на самой макушке утеса.

¹³ При этом типичная для русского деривата «многоморфность» отсылочной части [Бодуэн де Куртенэ, 1963, 320], требуя «распыления» внимания на разных местах в середине основы, так же способствуют увеличению числа уточняющих ассоциаций. Ср.: *драчун: драчун: драчун ← дерется: подражаться: драчливый (драки)*. В русском языке развитие полимотивации связано еще и с тем, что «целостность слова здесь превалирует над морфемной членимостью» [Реформатский, 1975, 7].

¹⁴ Примечательно, что Э. Б. де Кондильяк усматривал совершенство языка в его способности благоприятствовать одновременному развитию и анализа и воображения [Кондильяк, 1980, 268-269].

Я не знаю, как по-научному называют это растение. Знаю только, что в селах, расположенных неподалеку от скалы, его именуют *душевик*. И народ, как бы утверждая истинность этого названия, из года в год собирается у подножья утеса для того, чтобы посостязаться в красоте и емкости своих речей. В них местное население воспевают тот образ растения, который был унаследован от предков. Мне посчастливилось наблюдать это действо. По силе впечатления оно не уступает театрализованному представлению. Суть его сводится к тому, что в назначенный час к старейшинам сел выходит несколько «говорунов». Каждый из них пытается донести до слушателей всю прелесть образа, близкого его сердцу. Речь «говоруна» льется по просторам этого края около получаса, но за такое короткое время перед тобою проходит, кажется, целая вечность, наполненная раздумьями об этом таинственном кустарнике. Одну из таких речей я и хочу здесь передать.

Задание: напишите речь «говоруна», в которой воспевается образ растения (на составление речи отводилось около 30 мин.).

Результаты опроса оказались приемлемыми для необходимых обобщений, поскольку стали отражать полимотивацию деривата *душевик* лучше, чем другие его характеристики (из 80 реакций 46 отразили факт использования полимотивации, 17 – мономотивации *душевик ← равнодушный*, 7 реакций эксплицитировали значимость только отдельных звукобуквенных комплексов основы вроде *душевик: душевик ← шелест: пушистый*, 10 демонстрировали собственно смысловые способы передачи содержания деривата типа *душевик ← милый, любимый* вместо *душевный*)¹⁵.

Таким образом, эксперимент позволил установить, что ассоциативный потенциал отсылочной части деривата актуализуется в двух основных направлениях – по пути *анафонического* и *внутреннего* (собственно смыслового) сходства с акцентированной основой.

Анафония¹⁶ может предполагать такой процесс усиленного осознания основы, при котором становятся проявленными единицы, принадлежащие в парадигматическом плане не только к одному и тому же словообразовательному гнезду, но и к разным словообразовательным гнездам. Поэтому вербально-ассоциативная валентность основы может воплощаться рядами:

(а) омонимичных единиц типа *душа: душ*

¹⁵ Опрашиваемую аудиторию составили носители литературного языка в возрасте от 19 до 50 лет, обучающиеся на филологическом отделении факультета филологии и журналистики, а также на юридическом и биологическом факультетах Кемеровского государственного университета.

¹⁶ Или же ассоциация языкового потенциала по формально-смысловому подобию определяемому, приводящая к полному или частичному воспроизведению в тексте звукобуквенного состава слова-темы [Пузырёв, 1995, 5, 9].

К душевику.

Ой, ты, гой еси, милый кустарничек! Уж весна пришла красная на просторы русского Юга, и птицы перелетные хотят свить гнезда на твоих ласковых веточках. Вернись к жизни, кустичек, пробудись от зимнего онемения, открой свои объятия солнцу ясному. Подари, любимый наш кустарничек, лучики своей *души*, дающие вдохновение мне, говоруну бездарному. И воспою я тогда тебя словами сердца, и прославлю я тогда тебя на весь белый свет.

Вдохни, милый кустичек, аромат весны и одари сам весну ароматом цветов своих. Собирай под своими ветвями сердца влюбленные и храни их любовь под сенью прохладной, как... *душ*¹⁷.

(б) исторически родственных элементов, как то:

- *душа* (душевный): духовный: *благоухание* (благоухать)

О, божественный *душевик*, подари нам снова радость созерцать твою безмерную, бесконечную красоту. Ты как яркая лучина света в наших темных затуманенных *душах*. Подари нам свое прелестное *благоухание*, которое разливается теплотою в наших сердцах. Дай нам прикоснуться к твоим лепесткам, сияющим неземной красотой, и зарядиться *духовной* энергией. Бог природы, блаженствуем мы, возводя к тебе свой взор и *душа* наша наполняется счастьем, гармонией. *Душа* забывает земные радости и спешит слиться воедино с природой. Сердце пусто, сжато тоской, если не цветешь и не *благоухаешь* ты, о прелестный цветок <...> принося *душевное* успокоение всему, что окружает тебя. Бесконечно восхищаемся и преклоняемся перед тобой, и ум наш ничего не воспринимает, если ты не даришь нам свою красоту.

- *душа*: дух: *душистый*: *благоухание*

О, *душевик*, король трав *душистых*, ты царь на этом поле, *душа* лугов! Как красив ты, как приятен аромат твой! Как прекрасен ты и в пору цветения долгожданной весной, как удивителен, когда плоды свои нам показываешь и дразнишь птиц своим *благоуханием* жарким летом, и как задумчив и мудр сырой и печальной осенью!

Сколько лет тебе? Сколько ты всего видел? Но каждый раз мы будем приходить к тебе и восхищаться красотой твоею, благодарить за твои целительные свойства.

А ты гордись и живи, вонзай корни свои глубже в сырую землю, будет прекрасен и свеж, *душевик*.

Ты *душевик*, ты хранишь в стеблях своих *души* предков наших, ведь ты свидетель жизни прошлого, и будешь потомкам нашим навевать дух нашего настоящего!

- *душа*: (за)душить

Жил молодой человек, который страстно любил девушку. Добрую и красивую. Но *задушил* он

ее. Ее родители и остальные жители деревни собрались на совет. И решили выгнать молодого человека. Но перед этим надругаться над ним. Парень, чтобы избежать наказания, забрался на самую вершину горы. Но поскольку ничего он не взял с собой из еды, он весь иссохся и стал, как кустик. Тоненький и худенький. Так и застыл он. С тех пор *душа* его каждый год приходит в селение и мстит своим врагам, *душит* их. И дабы избежать этого, жители собираются перед сезоном цветения и говорят, и говорят, и говорят, и снова, и снова, и потом еще и еще. До тех пор, пока он не зацветет и *душа* его не успокоится.

Кроме того, анафонические ассоциации могут носить градуальный характер. Градуальность полимотивации зависит от вовлечения в дискурсивную деятельность конкретизаторов с исторически (типа *душа*: *дыхание*) или же словообразовательно (типа *душно*: *духота*) обусловленной альтернативой одного и того же корня¹⁸:

(а) *душа*: душевный: *задушить*: *отдушина*: *воздушный*, но *дыхание*

Вы только прислушайтесь к этому слову «*душе-вик*». В нем столько, столько звучит, слышится *душа*, *душа* этого цветка, *душа* каждого из нас в отдельности и *душа* всех нас вместе. *Душа* всего мира, *душа* миллионов миров. Она спит и не подозревает пока ни о чем, о том, что мы своими слезами омываем его, просим, взываем пробудиться от этого сна, от своих розовых в белый снег снов. *Душевик* – *душевный*, прекрасный, мягкий, нежный, такой милый и *воздушный*. *Душевик* – *отдушина* для наших *душ*, спасение нас от злых ветров в непогоду, в темные ночи от темных кошмаров; спасение от страданий, давящих камнем на нашу грудь. *Душа*, парящая в небе. *Душа*, приближающая нас к небу.

Но недобрые люди, живущие на окраине, за забором в 3 метра, говорят, что *душевик задушит* всех нас, что не останется от нас даже *дыхания*, даже пылинки. По не зря люди живут за забором, им не добраться до нас. *Душевик* добр он простит им все. Но мы ничего не прощаем. *Души* их будут мучиться в аду, гореть на костре из 3-х поленьев. *Душевик!!!*

(б) *душа*: дух: *дыханье*: *вдохновить*

О странный куст, Безлик, тосклив, Среди каменных морей. Ты силу *духа* обрети, Молитвенных речей Возносим возглас, Вопиет *душа* к тебе Слаба как тень, Тоскливый день Ты озари огнем Проснись, проснись, проснись!!! Уж снег остыл, Исполнись сил – Среди дней-лучей Хрусталь-ручей К тебе спешит, Водой неистойвой-простой Тебе *дыха-*

¹⁷ Тексты, написанные в условиях эксперимента, приводятся без правки, с сохранением орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических особенностей оригинала.

¹⁸ Семантическая функция однокоренных слов, а также корневых альтернатив реализуется и на уровне синонимических рядов, то есть при установлении синонимических отношений. Ср.: *погрязать*, *загрязать*, *грузнуть*, *топнуть* (прост.); *лицо*, *физиономия*, *лик* (трад.-поэт.), *личность* (прост.), *рожа* (прост.), *морда* (прост.), *рыло* (груб.-прост.) [Зубкова, 2005; Караваева, 2005].

не дать! Очнись, очнись, очнись, очнись!!! Блаженством света озари Ты наш печальный лик, И как ручей тебя воскрес, Ты в *душу* нам возлей огонь, На ратный подвиг *вдохнови* И силу *Духа* оживи, Волшебный *душевик*!!!

(в) *душа* (*душевный*): *духовный: благоухать* (*благоухание*)

О, божественный *душевик*, подари нам снова радость созерцать твою безмерную, бесконечную красоту. Ты как яркая лучина света в наших темных затуманенных *душах*. Подари нам свое прелестное *благоухание*, которое разливается теплотою в наших сердцах. Дай нам прикоснуться к твоим лепесткам, сияющим неземной красотой, и зарядиться *духовной* энергией. Бог природы, блаженствуем мы, возводя к тебе свой взор и *душа* наша наполняется счастьем, гармонией. *Душа* забывает земные радости и спешит слиться воедино с природой. Сердце пусто, сжато тоской, если не цветешь и не *благоухаешь* ты, о прелестный цветок, <...> принося *душевное* успокоение всему, что окружает тебя. Бесконечно восхищаемся и преклоняемся перед тобой, и ум наш ничего не воспринимает, если ты не даришь нам свою красоту.

(г) *душно* (*духота*): *пахнуть*

Многие удивляются такому названию: «Почему, – говорят наши соседи, – Вы называете это цветы *душевиком*? Они совсем не *пахнут*». А я отвечаю вам: да, он не *пахнет*, но есть такое поверие в нашей деревне, что когда последний цветок расцветет на этом кустарнике, становится *душно*. Этот цветок – предвестник последних, теплых осенних дней и тепла. Пока *душевик* цветет, стоит жара и *духота*. Но жизнь цветка коротка, поэтому с его смертью проходит тепло, проходит лето. Наступают дождливые, холодные, осенние дни. Еще может прийти тепло, но уже не будет так жарко и солнечно, как в те дни, когда цветет *душевик*!

Использование в качестве конкретизаторов слов с этимологически коррелятивными корнями приводит, в конечном счете, к ослаблению осознаваемой выделенности основы:

(а) *душ'евик* ← *воздух: вдохнуть*

О самый-самый! Ты – король всех растений, царь – всех кустарников, император моего сердца. Ты лучший из лучших, неповторимый, необыкновенный, единственный – цветы! Цвети, расцветай! Расти и размножайся! Пусть твоими потомками будет усеяна вся земля, и не только земля, вся галактика. Возродись к жизни. *Вдохни* этот чистый, горный *воздух* в себя, и возродись, пуще прежнего.

Император *душевик*, повелитель мой, жизнь без тебя коротка и бесцветна, бессмысленна и бесполезна. Ты – суть моей жизни. Расцвети, возродись, разукрась мою жизнь во все цвета радуги, верни меня, себя и всю природу к жизни. Все звери и другие растения будут благодарны тебе только за то, что ты есть, за то, что ты радуешь их глаз.

(б) *душ'евик* ← *благоухающий: запах*

Приветствую вас, жители! И хочу принять участие в вашем состязании. Этот необычный кустарник, который мы называем *душевик* является

символом нашего края. Мы можете видеть его на самой макушке утеса. Это необычное зрелище, напоминающее собой красочный фейерверк с множеством иголок. Он был передан нам предками, которые тоже восхищались и оберегали его для нас. Мы с вами не только видим *душевик*, но и чувствуем его *благоухающий запах*. Это особый теплый и сладкий, пьянящий аромат. Помимо внешнего вида и *запаха*, *душевик* обладает многими целебными свойствами; такими как заживление мелких ран, защищает от боли и т.д. эти свойства были известны и нашим предкам. Этот фейерверк ночью светится словно светлячок, и тем самым помогает ориентироваться заблудившимся путникам.

Лучше всего процесс формального отклонения от определяемого элемента демонстрируют тексты, в которых осмысление исходного образа осуществляется только посредством внутренне связанных представлений:

душ'евик: душев'ик ← чудесный из чудеснейших: *живительный из живительных: прекраснейший: способный очнуться от сна: способный окропить теплом: цветущий 2000 лет и 2 года: царь всех царей: муж всех мужей: появившийся от слез Марии Магдалины ровно 2 тысячелетия назад: расцветающий цветами, которые дают исцеление: великий знахарь: ангел-хранитель: делающий людей счастливыми и богонаделенными*

О чудеснейший из чудесных, живительный из живительных растений, прекраснейший *душ'ев'ик*! Очнись от тяжелых оков сна, окропи нас своим теплом! Уже 2000 лет и 2 года цветешь ты, радуя нас своими прелестями. Появился ты, царь всех царей, муж всех мужей, от слез Марии Магдалены ровно 2 тысячелетия назад, и с тех пор ты оживаешь и расцветаешь чудеснейшими красными цветами, дающими исцеление и больному, и страждущему. О великий знахарь, ангел-хранитель путника во степи, больного на ложе, очнись же, и мы станем самыми счастливыми и богонаделенными людьми от того, что можем созерцать тебя каждый год в этот священный праздник!!!

Поэтому есть своя логика и во взаимокомпенсаторном распределении средств анафонической и собственно смысловой конкретизации осознаваемого образа, и в увеличении и гибком использовании анафонических уточнителей, отмеченных либо исключительно звуковой близостью, либо основным альтернированием, либо генетическим родством, либо разнообразием ступеней производности. Во всех этих случаях индивидуальности приходят к пониманию и выражению смысловой специфики деривата благодаря операциональным преимуществам русского языка, способствующего работе творческого воображения (как предрасположенности к устойчивому видоизменению исходного образа).

Вместе с тем, вероятностный характер полимотивации обеспечивает развитие и других высших действий разума – например, философского мышления и исторической рефлексии.

Так, доминированием полимотивации отмечено дискурсивное мышление Н. А. Бердяева. От-

раженный в его работах процесс создания «бытийственных идей» (ключевых понятий его философии) нередко сопровождается увеличением числа мотивирующих суждений. В частности, данная дискурсивная закономерность наблюдается в развитии идеи «творчество», которая в контексте *Введения* к работе «Смысл творчества: Опыт оправдания человека» (Харьков; М., 2002. – С. 17-24) раскрывается через следующий ряд представлений:

творчество: творчес/тво ← нечто есть путь творческой жизни духа: нечто есть определение себя творцом: нечто есть творческий почин: нечто есть творческий акт: нечто есть сила Творца: нечто есть творческая активность человека, который воплощает / проявляет силу Творца: нечто есть бытие творцом: нечто есть творческий путь: нечто есть творческая сила: нечто есть творческий акт в бытии.

Следовательно, предпосылки для философского осмысления понятия создаются не только языковой структурой (например, наличием морфологизованной идеи субстанции; см. об этом [Бенвенист, 2002, 113-114]), но и свободой в осуществлении семантической функции языка.

Как показывает работа алтайского историка-краеведа Ю. Н. Фадеевского «Сростки: Материалы к истории села. Часть первая» (Бийск, 1996)¹⁹, «формальность» словообразовательной структуры ойконима *Сростки* провоцирует на такое осуществление исторической рефлексии, при которой носитель языка (нелингвист) не замыкается на фактах народной этимологии (при всем их звукобуквенном сходстве с определяемой отсылочной частью), а стремится найти объективные (в понимании автора – документально достоверные) сведения о происхождении названия села. Иными словами, свойственное рядовому носителю языка «чувство диахронии» выражается в том, что автор:

(1) ставит под сомнение историческую истинность мотивирующих суждений *нечто находится там, где безымянный большак сростается со знаменитым Чуйским трактом: нечто основал политический ссыльный Сростин*;

(2) направляет свои усилия на поиск документально подтвержденной этимологии, ставя преграду иррациональному и гипотетическому подходам к воссозданию мотивирующих суждений (именно поэтому в работе так и осталось невысказанным предположение о том, что ойконим *Сростки* мог произойти от названия горы *Сроска*).

Таким образом, системная значимость полимотивации состоит в том, чтобы всей полнотой мотивирующих суждений участвовать в осуществлении и развитии высших действий разума, то есть «облегчить процессы самовыражения и взаимопонимания разнообразнейших индивидуальностей» [Зубкова, 2004, 149].

Поэтому при речепорождении полимотивация выступает эффективной стратегией, обеспечи-

вающей проявление смыслового потенциала производного слова. Доказывая же перцептивную значимость явления полимотивации, следует, в частности, учитывать положение, занимаемое мотивирующими перифразами по отношению к употребленному в тексте деривату [Катышев, 2003, 112-114]. Дериват, расположенный в начале сообщения или его эпизода, помогает реципиенту сформировать тематическую гипотезу, с тем, чтобы идущие вслед за ним конкретизаторы могли быть интерпретированы по отношению к опорному сигналу «сверху вниз». Дериват, находящийся в конце сообщения, служит для проверки, припоминания и коррекции общего смысла текущего эпизода. Так, во фрагменте

Авторы фильма назвали *акварельную повесть* трагической. Действительно, она потрясает судьбой целой плеяды прекрасных людей, мужеством Бестужева, который создал серию *акварелей*, изображающих ссыльных декабристов и их жен, в кандалах, стремясь сохранить для потомков образы своих товарищей. Именно в *акварельной повести* и наступает разгадка прошлого поэзии. Авторы не просто показали *акварели*, а заставили взглянуть в лица ушедших навечно и прожить на экране их гордыми и прекрасными чувствами...

включенное в первое предложение словосочетание «акварельная повесть» окказионально, т. е. создано к текущему случаю и не нацелено на то, чтобы реципиент мог сразу четко представить его содержание. Именно благодаря своей смысловой неопределенности данное выражение становится удобным средством для охвата возможных ситуаций эпизода. Читая фрагмент далее, реципиент лишь детализирует свои ожидания и устанавливает, что фильм – «повесть» – рассказывает об *акварелях* Бестужева, в *акварелях* изображены декабристы, авторы фильма посредством *акварелей* пытаются донести до зрителей образы декабристов и идею гражданского подвига самого Бестужева.

Итак, полимотивация подтверждает категоризирующие возможности русского языка, если под категоризацией понимать не только имеющуюся в языке возможность к воссозданию предметов и отношений между этими предметами (категоризация₁), но и свойственные языку способы «расширения» уже категоризованного (категоризация₂). Учитывая же психичность языка, закономерно усматривать в полимотивации черты сугубо человеческого познания мира. Поэтому неоспоримую перспективу приобретают исследования, ставящие изучение своеобразия определенного языка в связь с развитием и функционированием «действий души» (Э. Б. де Кондильяк). Обоснование зависимости внутреннего мира человека, его мышления от языка неизбежно переводит исследование полимотивации в контекст антропоцентрической парадигмы лингвистики.

Литература

1. Азарх, Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. – М., 1984.

¹⁹ Полностью работа дана в приложении № 2 монографии [Катышев, 2005, 244-257].

2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2.
3. Араева, Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1994.
4. Араева, Л. А. Антиномия моно- и полимотивации как энергийная сущность словообразовательного типа / Л. А. Араева // Русский язык: Теория. История. Риторика. Методика. – Красноярск, 2003. – Вып. 3. – С. 11-15.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М., 1976.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 2002.
7. Блинова, О. И. Множественность мотивации и варьирование внутренней формы слова / О. И. Блинова // Проблема лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. – Барнаул, 1986. – С. 22-30.
8. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. 2. – М., 1963.
9. Вежбицкая А. Семантика грамматики / А. Вежбицкая. – М., 1992.
10. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова / Виноградов В. В. // Лексикология и лексикография. – М., 1977.
11. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис / Е. Л. Гинзбург. – М., 1979.
12. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М., 1984.
13. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 1992.
14. Зубкова, Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания / Л. Г. Зубкова. – М., 1999.
15. Зубкова, Л. Г. И. А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр: антитеза системного и аспектирующего структурного подходов к языку / Л. Г. Зубкова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. – Казань, 2001. – Т. 1. – С. 25-27.
16. Зубкова, Л. Г. Общая теория языка в развитии / Л. Г. Зубкова. – М., 2002.
17. Зубкова, Л. Г. Истоки и специфика лингвистического мышления (к обоснованию самобытности русской лингвистической традиции) / Л. Г. Зубкова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 2004. – Т. 1. – С. 141-150.
18. Зубкова, Л. Г. Звуковая форма слова в категориально-иерархической организации языка / Л. Г. Зубкова // Актуальные проблемы современного словообразования. В печати.
19. Караваева, Е. М. Глагольный синонимический ряд в словообразовательном аспекте / Е. М. Караваева // Актуальные проблемы современного словообразования. В печати.
20. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер; Т. 1: язык. – М.; СПб., 2002.
21. Катышев, П. А. Ключевые идеи риторической герменевтики / П. А. Катышев // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология. – 2003. – № 6. – С. 103-122.
22. Катышев, П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. – Томск, 2005.
23. Кондильяк, Э. Б. де. Сочинения. В 3-х т. – М., 1980. – Т. 1.
24. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М., 2004.
25. Лопатин, В. В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М., 1977.
26. Мельников, Г. П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях / Г. П. Мельников // Беседы в обществе любителей российской словесности. ОЛРС, 1998. http://www.lgg.ru/~slovo/Virtual_Sbornik.html.
27. Нещименко, Г. П. Очерк демунистивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец 13 – середина 20 вв.) / Г. П. Нещименко. – Praha, 1980.
28. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М., 1985.
29. Падучева, Е. В. Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996.
30. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М., 1958. – Т. 1-2.
31. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М., 1976.
32. Пузырёв, А. В. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления: доклад по опубликованным работам ... докт. филол. наук. – Саратов, 1995.
33. Реформатский, А. А. О членимости слова / А. А. Реформатский // Развитие современного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова. – М., 1975. – С. 5-13.
34. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1990. – Т. 1.
35. Тихонов, А. Н. Основные понятия русского словообразования / А. Н. Тихонов // Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1990. – Т. 2.
36. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М., 1977.
37. Флоренский, П. А. Христианство и культура / П. А. Флоренский. – М., Харьков, 2001.
38. Ширшов, И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке: дис. ... докт. филол. наук. – М., 1982.

39. Шмелёв, А. Д. Определенность – неопределенность в названиях лиц в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
40. Шмелёва, Е. Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
41. Weisgerber, L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – Düsseldorf, 1962.
42. Wierzbicka, A. Dociekania semantyczne / A. Wierzbicka. – Wrocław, 1969.